

ОТ РЕДАКЦИИ

Выпуская в свет очередной том «Литературного Наследства», посвященный одному из лучших представителей «старой великой германской поэзии» (Ленин) и являющийся как бы итоговым по отношению к гетевским торжествам в СССР, редакция считает нужным предпослать ему несколько замечаний.

Гетевские торжества доказали снова, что мир расколот на два лагеря: лагерь агонизирующей буржуазии и лагерь победоносного пролетариата.

Чествуя Гете, пролетариат отбирает в его наследстве все, что «принадлежит будущему» и что может послужить камнем в великом здании социалистической культуры. «Гете велик и ценен для пролетариата и социализма теми сторонами своего творчества, в которых наиболее ярко и полно отражались революционные идеи буржуазии периода «бури и натиска», направленные против феодализма и средневековья». Эти слова т. Бубнова прекрасно характеризуют отношение к Гете его истинных наследников—революционных пролетариев.

Выяснению позиций пролетарского литературоведения в той борьбе, которая развернулась вокруг памяти Гете, и критике буржуазных попыток захватить Гете в свои обезьяньи лапы и посвящена первая часть этого тома «Литературного Наследства».

Мы противопоставляем здесь нашу позицию—позицию марксистско-ленинской литературной науки—позициям буржуазного литературоведения. Исходной точкой нашего понимания является замечательное определение Гете, данное молодым Энгельсом: «В Гете постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с ним перемирие и привыкнуть к нему. Так Гете то колоссально велик, то мелочен, то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер. И Гете был не в силах победить немецкое убожество: напротив, оно побеждает его... Перед дилеммой—существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать, и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать,—перед этой дилеммой Гете находился постоянно, и чем старше он становился, тем все больше отступал могучий поэт, *de gueette lasse*, перед незначительным веймарским министром».

Мы могли бы поставить эпиграфом к нашей книге слова Энгельса: «Мы не упрекаем Гете, как это делают Берне, Менцель, за то, что он не был либерален, а за то, что временами он мог быть филистером; мы не упрекаем его и за то, что он не был способен на энтузиазм во имя немецкой свободы, а за то, что свое эстетическое чувство он приносил в жертву филистерскому страху перед всяким современным великим историческим движением; не за то, что он был придворным, а за то, что в то время, когда Наполеон очищал огромные авгиевы конюшни Германии, он мог с торжественной серьезностью заниматься ничтожнейшими делами и *menus plaisirs* ничтожнейшего немецкого двора. Мы вообще не делаем упреков ни с моральной, ни с партийной, а разве лишь с эстетической и исторической точек зрения...»

Буржуазные политики и ученые либо—как brave соратники Людендорфа—в противоположность Берне «упрекают» Гете за то, что он был слишком либерал, вольнодумец и плохой немец, либо—как услуживающие буржуазии социал-фашисты—подрисовывают ему нехватающий на их взгляд оттенок либерализма и превращают веймарского обитателя в столп Веймарской конституции. Противопоставляя указанное различие в подходе к Гете, т. Авербах в своей статье правильно указывает:

«Творчество Гете было подготовкой буржуазно-национального единства Германии и борьбой за него. Трудно переоценить его роль в этом деле. Напомним, что писал Фихте: «Только литература является единственной объединяющей связью науки. В духовном единстве своей литературы наш народ видит гарантию своего собственного духовного единства и вместе с тем залог своего национального возрождения».

И эта роль Гете является издевкой над современной немецкой буржуазией. Как на заре своего развития она была труслива в борьбе за национальное освобождение, как в период своего подъема она вела такие «освободительные» войны против Наполеона, в которых меняла господство французов на плетку русского казака,— так и теперь, заканчивая свое историческое существование, она своим господством закрепляет национальный позор Германии, пораженной Версалем и планом Юнга. Тот, кто задумается над исторической оценкой деятельности Гете, тот должен отдать себе отчет в том, что современной буржуазии никак не пристала роль наследника Гете».

* * *

«Литературное Наследство» по существу стоящих перед ним задач не могло ограничиться общей характеристикой гетевского творчества. Перед нами стояла задача подытожить все, что известно в нашей стране о Гете. И здесь обнаружилось, что до сих пор не было и нет ни одной суммирующей работы, систематизирующей прежние русские розыскания, посвященные Гете. Это понятно. С одной стороны, русской буржуазии, жадной и невежественной, было не до Гете: продукты «культуры» с парижских бульваров были ей ближе, понятней, родней, они-то и выдавались за «культуру Запада». С другой стороны, молодой пролетариат еще не смог уделить Гете того внимания, которого он заслуживает. Поэтому «Литературному Наследству» пришлось впервые поставить во всю ширь проблемы о связи Гете с Россией XIX века и с тогдашней русской культурой. Так выросла вторая часть нашей книги: многочисленные обзоры, с разных сторон подводящие итоги нашим знаниям о Гете.

Они неодинаковы. Если например большая работа В. М. Жирмунского не только приводит в известность стихотворное наследие Гете в русской поэзии, но и пытается его осмыслить,— пусть это еще не решение вопроса, пусть здесь есть ошибки, но она бесспорно сдвигает вопрос с мертвой точки, заостряет проблему, толкает к дальнейшей работе,— то например статья И. В. Сергиевского о Гете в русской критике представляет собою только первую во многом недостаточную попытку. И дело здесь не только в том, что говорить о русском гетеанстве как о вполне определенном и характерном явлении русской культуры (подобно например «вольтерьянству» или «байронизму») преждевременно. Даже при бедности отзывов можно и должно было осветить вопрос шире, привлечь ряд других высказываний. Не только шире, но и глубже следовало бы осветить эту тему, поставив на ее материале свежее, острее, актуальнее ряд вопросов. Однако и в таком виде, несмотря на свои недостатки, статья эта дает первый свод русских критических высказываний о Гете. Если статья С. С. Попова дает почти исчерпывающий свод отражений Гете в русской музыке, хотя и не претендуя на обобщение собранного материала, то работа «Гете в русском театре» едва ли исчерпала тему, хотя несомненно след, оставленный Гете в русском театре, не велик.

Эта группа статей сопровождается соответствующими библиографическими указателями: Б. Я. Бухштаба—«Гете в русских переводах», В. П. Зубова—«Гете в русской критике» и С. С. Попова—«Гете в русской музыке». Не претендуя на абсолютную полноту, они все же охватывают весь о с н о в н о й материал и разумеется на много превосходят все прежде имевшиеся библиографические работы по этим вопросам. Достаточно одного примера, чтобы сравнить масштаб проделанной работы: в недавно вышедшей четвертой книге журнала «Марксистско-ленинское искусствознание» помещена составленная научно-вспомогательным сектором Института ЛИЯ Комкадемии «Русская гетеана». Эта «Гетеана» содержит указание всего на 66 переводов русских поэтов из Гете, тогда как в нашем указателе (который мы сами не считаем исчерпывающим) их указано свыше 900!

Сообщения С. А. Рейсера и А. В. Федорова дают почти исчерпывающую картину прохождения сочинений Гете через русскую цензуру. Как известно, германская цензура тоже не была ласкова к «величайшему немцу», и сравнение этих материалов позволяет шире поставить тему об «опасном» Гете, преследуемом цензурой за всеми пограничными шлагбаумами. Обстоятельная работа М. А. Петровского знакомит советского читателя с объемом и судьбой литературного наследия Гете. Статья А. М. Эфроса посвящена детальному анализу художественного восприятия Гете в СССР. Сюда надо присоединить небольшие сообщения И. К. Ипполития о новонайденной рецензии Плеханова на книгу о Гете; М. К. Клемана—о неизвестных пометках Тургенева на вронченковском переводе «Фауста», Н. Н. Гусева—о новонайденном письме Толстого, посвященном Гете, и приведенную впервые на русском языке в сообщении Ф. П. Шиллера эпиграмму молодого Маркса на Пусткухена, добавляющую интересный штрих к отношениям Маркса к Гете.

Основное достоинство работы С. Н. Дурылина «Русские писатели у Гете в Вей-маре» заключается в том, что она впервые не только в русской, но и в мировой литературе с такой полнотой охватывает тему русских связей Гете. Ниже нам придется еще сказать об уровне, на котором находятся знания буржуазных гетеведов по этой части. При рассмотрении их работ сразу выяснилось, какой клубок лживых легенд сплела буржуазия вокруг Гете, чтобы опереться на них в своей попытке приспособить Гете к обслуживанию своих корыстных нужд. Чтобы иметь представление о том, на каком уровне находилось изучение отношений Гете с русскими писателями, достаточно указать, что П. А. Висковатов в статье «Об отношениях Жуковского и Гете» («Литературный Вестник» 1902 г., кн. 5, стр. 6) пишет: «Жуковский был едва ли не единственным из русских писателей, лично знавшим Гете»; в работе же Дурылина приведен материал о связях Гете более чем с тридцатью русскими литераторами.

Оказалось достаточно просто привести в известность, свести и поставить рядом факты о русских связях Гете, как они заговорили сами, и, как шелуха, стали опадать один за другим мифы о гетевской аполитичности, олимпийстве и т. д. Дурылин сам пытается создать некую схему освоения Гете, и при всех методологических недостатках его труда—о них мы сказали более подробно в предисловии к нему—он приобретает большое значение именно как первая попытка в противовес буржуазной историографии правдиво выяснить проблему отношений Гете к России. Значение труда Дурылина в том, что он поставил эту проблему и поставил не абстрактно, а на громадном, конкретно-историческом, документальном материале.

Из самого же Гете редакции пришлось ограничить публикацией доселе неизданных переводов старых русских поэтов, в том числе Кюхельбекера, Огарева, Ал. Толстого и Тютчева и, что особенно любопытно,—раннего поэтического опыта Чернышевского; кроме того мы даем новый перевод пятого акта второй части «Фауста», сделанный В. Я. Брюсовым. Отметим между прочим, что проблема «Фауста», затронутая как в предисловии к этому акту И. К. Ипполитом, так и другими авторами нашего сборника (А. В. Луначарским, Л. Л. Авербахом, Б. И. Пуришевым и др.), не всегда разрешается одинаково, что естественно на сегодняшнем этапе марксистской критической оценки Гете.

Если мы выше говорили, что русская буржуазная литература оказалась совершенно беспомощной в этой теме, то ничуть не выше показала себя и европейская буржуазная наука. Тема «Гете и Россия»—несомненно один из самых необследованных и самых неразработанных участков как в западном гетеведении, так и в биографии самого Гете. Тема «Гете и Россия» не могла разумеется пройти мимо их внимания, и отклики на нее мы имеем, начиная с 30-х годов прошлого столетия. Начиная же со статьи Георга Шмидта «Гете и Уваров в их переписке» («Russische Revue» 1888 г., т. XVIII) и до наших дней, до последнего номера журнала «Germanoslavica», эта тема возникает довольно часто перед исследователями. Они сознают, что без разработки этой темы нельзя знать Гете, но не хуже они понимают и то, что добросовестное развитие этой темы приведет их к кричащему противоречию с буржуазным каноном легенды о Гете. Им остается лишь отмахнуться от темы. Так они и поступают, и те статьи на эту тему, которые нам известны, являются по существу либо отпиской от нее, либо грубым искажением исторической действительности.

Примером первого рода статей может служить напечатанная сравнительно недавно в солидном ученом издании «Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft» (1921 г., т. VIII) статья Евгения Цабеля «Гете и Россия». В этой статье все свалено в одну кучу: и интерес Гете к русской истории, и сношения его с русскими писателями, и отношения к Гете Белинского и Тургенева, и русская осетровая икра, которую любил Гете, и дружба Павла Жуковского (сына) с Рихардом Вагнером; это—«взгляд и нечто» на тему о Гете и России.

Примером статей второго рода являются статьи А. Погодина «Гете в России» и Р. Ягодича «Гете и его русские отношения» в «Germanoslavica» (1932 г., № 3). Эти статьи, не имеющие ровно никакого научного значения, не использующие и десятой доли наличного, уже известного в печати материала о российских связях Гете, отличаются совершенной теоретической беспомощностью. Зато тем яснее выступает их политический смысл, сводящийся к тому, чтобы созданием иллюзии гетевского олимпийства позволить империалистической буржуазии использовать Гете в своих интересах.

Дело не ограничивается литературой. Года полтора назад в Данциге состоялась помпезная «Goethe-Woche». В связи с этим была устроена и выставка «Goethe und der Osten»; на выставке была представлена Польша, Латвия и другие лимитрофы,

но по СССР не нашлось ни одного экспоната! Могут возразить, что здесь сказался провинциализм данцигской «учености», но есть и более разительные примеры «ученого» невежества. Для образца можно взять пользующиеся немалой популярностью в Германии ежегодники Киппенберга («Jahrbuch der Sammlung Kippenberg»), посвятившие в одном из последних томов (т. VIII, 1930 г.) специальную статью Вильгельма Фрельса «Топография гетевских рукописей». Ученый автор водит читателя в поисках за гетевской строкой чуть не по всему миру: он предлагает поклоннику Гете вести линию от Парижа через Гренобль на Флоренцию, отсюда через Белград и Будапешт на Дерпт и Ревель, оттуда морем через Лунд (?) на Кембридж и форт Августа (Шотландия) и из Лондона обратно аэропланом в Париж,—этим он якобы очертил всю область местонахождения гетевского рукописного наследства. Для полноты автор прибавляет сюда и поездку в Северную Америку и в итоге он получает 90 пунктов от Ревеля до Нью-Йорка. Забыты лишь Ленинград и Москва, которые многим могли бы пополнить его познания и в которых буквально в десять раз больше автографов, чем в Дерпте или Белграде. В этом исключении Советской страны невежество приобретает политический оттенок.

Для ученых специалистов-гетеведов большое значение имеет статья А. Г. Габричевского, описывающая 32 новых, доселе неизвестных автографа Гете, находящихся в Советском Союзе. Некоторые из этих автографов, как например две Agenda, наброски из «Вильгельма Мейстера», письмо к фон-Мюллеру и другие, представляют самостоятельный интерес, т. е. не как записки, писанные рукой Гете, а как тексты, углубляющие и дополняющие наши знания о «делах и днях» Гете. И это только начало. Редакция, по сути дела, публикует итог самых первых своих достижений, результаты первых поисков и первых находок.

* * *

Особое внимание редакция уделила розысканиям новых архивных материалов по всем темам этого тома. Детальные розыски были произведены в фондах Центрархива СССР, во всех государственных архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Любопытные материалы были извлечены и из ряда частных собраний (вплоть до находжения четырех подлинных автографов Гете). Непосредственное обращение в Национальный Гете-Шиллер архив в Веймаре и в Франкфуртский Гетевский Музей дало возможность впервые опубликовать большое количество важнейших документов (в том числе и письма В. К. Кюхельбекера, А. И. Тургенева, Федора Толстого и др., о существовании которых не догадывался ни один русский исследователь).

То же самое относится к подбору иллюстраций. Несмотря на большие трудности, встретившиеся на пути выполнения поставленных задач—всесторонне осветить в иллюстрациях все основные темы нашего тома,—несмотря на крайнюю дробность иконографических фондов и на полнейшее отсутствие каталогов этих фондов в музеях, мы даем в этом томе свыше 250 иллюстраций, большинство из которых воспроизводятся впервые. Наибольший интерес представляют здесь прижизненные портреты Гете и его автографы, сохранившиеся в СССР, а также неизвестные доселе портреты русских писателей.

Таков вкратце состав гетевского тома «Литературного Наследства». Созданный почти целиком по твердому плану, он является первым в ряду томов, которыми «Литературное Наследство» будет откликаться на большие литературные юбилейные даты. Редакция придает большое значение настоящей книге не только как итогу полугодовых трудов, но как показу «лица» нашего издания, наметке его типа и характера. Этот номер является как бы ответом на те замечания и указания, которые встретила «Литературное Наследство» советская критика и которые редакция учла в своей работе.

В заключение редакция «Литературного Наследства» приносит свою глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, помогшим ей в создании этого тома: директору Национального Гете-Шиллер архива в Веймаре Prof. Dr. Wahl, сотруднику Франкфуртского Гетевского Музея Dr. Rumpf, непременно секретарю Академии Наук СССР—ак. В. П. Волгину, зам. зав. Центральным Архивным Управлением СССР В. В. Максакову, директору Всесоюзной Библиотеки им. Ленина В. И. Невскому, ученому секретарю ленинградской Публичной Библиотеки В. Э. Банку и заведующему Рукописным отделением ленинградской Публичной Библиотеки И. А. Бычкову.